

Евгений Колобов, дирижер, художественный руководитель Театра «Новая Опера»

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Мне близка традиция юродивых, если это можно назвать традицией. Потому что все доброе, хорошее и святое в нашей стране держится на юродивых. Когда умер Андрей Дмитриевич Сахаров, я прочитал в одной статье, что умер великий юродивый России. Это меня поразило и тронуло. Действительно, это был один из тех людей, которые любят свою землю, делят с ней ее радости и муки и стремятся хоть что-то сделать, чтобы ей было полегче. Наверное, можно спросить у Спивакова, к какой традиции русской культуры он себя относит, можно спросить у других великих людей. А я просто делаю свою работу. Я выбрал профессию по своему желанию, и это мой крест. Я стараюсь свою работу делать достойно, в меру отпущенных мне возможностей, чтобы ложиться спать со спокойной совестью. Удачным был день или неудачным, но я отдал все, что мог. По-моему, это главный принцип русских писателей, поэтов, вообще деятелей русской культуры, которые жили ради высокой идеи. Я никогда не забуду того, что говорил нам директор хоровой капеллы при Ленинградской консерватории, где я начинал свою учебу, Роберт Игнатьевич Савейко: «Есть три святыне вещи, дети мои: первая – это музыка, вторая – ваши родители и третья – ваша родина». Для меня это стало жизненным кредо. Главное – дело, которому ты посвятил жизнь и которым занимаешься не ради зарабатывания денег, тем более, что в нашем государстве это не имеет никакого отношения к качеству твоей работы: сколько нам пайка дают, столько мы и получаем. Раньше во всяком случае так было. Я всегда мечтал принадлежать к категории людей одержимых и больных своей работой.

- Вы сказали, что вам близка традиция юродивых. Но в русской религиозной традиции юродство – это прежде всего смирение. Как вы связываете такое качество и творческую деятельность?

Юродивый Василий Блаженный был единственным человеком, который мог говорить царю все, что думает. И его не могли казнить. То есть он имел право на свою точку зрения, выражаясь современным языком. Только рабом совести и чести мне бы хотелось быть. Я не хотел бы поступать так, чтобы было стыдно. Хотя у нас само это слово уже можно вычеркнуть из словарей. У нас не стыдно никому, и скромности почти не осталось. Так что для меня смирение означает не быть хамом, не иметь мании величия, смирять свою гордыню.

- А кто еще из великих юродивых является для вас идеалом?

Это Виктор Петрович Астафьев, такой сибирский отшельник, который ушел в свой монастырь и писал то, что считал необходимым. Великий писатель... Это Александр Михайлович Панченко, с которым я тоже имел счастье быть знакомым. Это Юрий Михайлович Лотман. Из дирижеров Евгений Федорович Светланов. А из более старшего поколения, конечно, Шостакович, Ахматова, Гумилев, Бунин. Имен множество. Слава Богу, достойными людьми наша страна богата. Я меньше знаком с людьми, которые занимаются наукой, техникой. Но вот скоро мы будем играть спектакль памяти Святослава Федорова, великого нашего хирурга-офтальмолога. Это, я бы сказал, Моцарт в своей профессии. Одержимый человек, которому тоже было не сладко. Этим людям было нелегко всегда, хотя они иногда и достигали вершин заслуженной известности. Много таких людей, которым я бы поклонился и сказал спасибо.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Мне кажется, это период с начала 20-го века до года 1914-го. Так называемый серебряный век, который дал в России созвездие потрясающих людей – поэтов, художников, писателей, философов, на много лет или, может быть, даже веков осветивших путь, по которому могла бы идти русская культура. К сожалению, после 1914 года все стало разрушаться, и последний период, с конца 20-го века и до наших дней, я ощущаю как «болотное» время, поросшее тиной. Мне кажется, серебряный век у нас – это эпоха возрождения. Хотя не могу умалить и 19-й век. Один Пушкин чего стоит! А Лермонтов! А Боратынский, Тютчев! Но это отдельная тема для разговора.

- А все-таки что самое главное сосредоточивает в себе серебряный век?

Мне кажется, это было очень романтическое время. Слово «романтика» ушло сейчас из нашей жизни. Быть романтиком даже как-то неловко: подумают, что ты или идиот, или дурак. В каком-то американском фильме говорится, что циник – это усталый романтик. Наверное, Мариенгоф в свое время неслучайно написал роман «Циники». А возвращаясь к серебряному веку, мне хочется сказать, что это было время очень молодое, причем оно не взрослело и не старело. Вспомните стихи Цветаевой, Ахматовой. Мне кажется, они жили как великие идеалисты в высоком смысле этого слова. Я тоже идеалист. Я понимаю, что опера это великий жанр, потому что в ней сосредоточены все виды искусства. Почему талантливых режиссеров тянет к опере? Потому что опера как жанр остается некоей загадкой.

Как нормальный идеалист я понимаю, что мне никогда не сделать всего того, что хочется. Но что поделаешь? Профессия такая – идеалистическая. Я завидую

писателям и поэтам. Они могут писать, где угодно, хоть в Урюпинске, хоть в Переделкино. Они абсолютно свободны, хотя Марина Цветаева как-то сказала, что поэзия – это перевод с родного языка на чужой. Я же зависим от стольких вещей! Даже если вокруг меня оказываются люди, которые меня понимают, – все равно, при всей моей любви к ним, они остаются «переводчиками». Они до конца не поймут, что я слышу в партитуре.

- Возможно ли это вообще передать?

Нет, конечно. Приходя на спектакли Петра Наумовича Фоменко, я думаю: «Боже мой, какой шедевр, а сколько еще осталось за бортом». Мешает преграда «перевода». Это как бы отпечатки пальцев. Отпечатки души другого человека.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Для меня самое ценное в перестройке то, что сломали дурацкий забор. Когда я учился в консерватории, я не мог достать книги, которые мне хотелось читать. У нас и еще у нескольких поколений просто украли Библию. Ведь ее надо изучать не сейчас, а с детства, впитывать с молоком матери. Мы не знали ни Бердяева, ни Розанова. Мы ничего не знали. Сейчас я могу найти книгу по любому вопросу, увидеть любую живопись. Это один из самых мощных подвигов перестройки. Но, хотя книг море, а такое ощущение, что немногие их читают. Появились сильные конкуренты – интернет, куча программ по телевидению. Море информации. По-моему, болезнью будущего будет не спид, а перенасыщение информацией. Еще Блок говорил, что человеку нужно не более двухсот книг в жизни. Но, чтобы узнать их, нужно прочесть тысячи.

Что еще важно? Отсутствие указаний: что мне ставить, как дирижировать. Это тоже одно из самых главных достижений перестройки. Но, к сожалению, она принесла и другое. Люди не умеют распорядиться своим достоянием. Желанная свобода превратилась в свободу наглости и безобразия. Солженицын давным-давно написал, что «из всех свобод на первое место выйдет свобода бессовестности». Он оказался пророком. Я вижу это кругом. В основном я наблюдаю именно нескромных людей, потому что скромные люди всю жизнь, при любом режиме занимаются своим делом. Но я благодарен перестройке. Кто бы мне позволил при советской власти создать театр, в котором я могу делать, что хочу?

- Какие еще процессы в нынешней культуре вам нравятся или не нравятся?

Я не могу дать объективную оценку тому, что происходит, но, мне кажется, появилось много интересных режиссеров, дирижеры, наверное, тоже есть, но пока им трудно пробиться через «завесу великих». Возникло очень много театров.

Плохо это или хорошо? Время сделает свой выбор. Может быть, и мою «Новую оперу» закроют. Я не буду переживать. Если мы станем никому не интересны и не нужны, если появится театр более достойный, – значит, он займет наше место. Время сейчас как после бури. В мозгах смятение: как жить дальше? Устремиться за деньгами, встать на тропу войны? Или все-таки вспомнить, что не для этого ты рожден?

- Наступило время, предлагающее человеку выбор. Что лучше: время выбора или время однозначных решений?

Конечно, лучше то время, которое оставляет право выбора. Оно интереснее для любого живого существа. А что я выбираю, это уже зависит от многих факторов.

- Сейчас многие талантливые люди уходят из творческих профессий, устремляясь туда, где можно заработать. Разве наше время не отсекает, таким образом, одаренную молодежь от большого искусства?

Я бы так не сказал. Вернемся к вопросу о юродивых. Если это мое призвание, то я полжизни проживу, работая бесплатно. Если человек уходит из профессии, сомневаюсь, действительно ли он талантлив. Вспомните историю культуры. Все гении мучались, многие были нищими. Но, как поет Рудольф в «Богеме» Пуччини: «Я миллионер душой». Вот в душе эти люди были, действительно, миллионерами. И наше время в этом смысле ничем не хуже и не лучше любого другого.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Я могу только посочувствовать Владимиру Владимировичу Путину, потому что он взвалил на себя слишком тяжелую ношу. Ему, может быть, сейчас не до культуры, и я его в этом не виню. Прекрасно, когда человек, занимающий такой пост, обращает внимание на культуру, но Путину сейчас просто некогда. Хотя в последнее время какие-то изменения произошли. Проблемы культуры обсуждаются на самом высоком уровне. Другое дело, что решить их быстро невозможно, но я надеюсь, что мы к этому придем. При Путине это произойдет или при ком-то другом, но восстановление культуры должно состояться. Что можно сделать с невоспитанными и необразованными людьми? Не возродить страну с хамами. А хамов мы наплодили за сто лет достаточно. Пора их причесывать, подстригать и как-то воспитывать.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Нет, опека не нужна, а помогать нужно. Не морально, а материально. Ведь опекать начнут таких, как, например, упомянутый раньше Петр Наумович Фоменко. А зачем его опекать? Он и сам знает, как распорядиться своим театром. Ему нужно помогать деньгами, и все тут.

- Нуждается ли в финансовой поддержке ваша «Новая опера»?

Нам платит мэрия Москвы – столько, сколько может. Спасибо ей за это. У нас есть определенная финансовая поддержка, и это нас как-то спасает. Но если наш театр станет неинтересным, потеряет свой творческий импульс, тогда пусть Юрий Михайлович Лужков его закроет. Я считаю, это будет справедливо. А деньги в таком случае пусть лучше отдаст ветеранам войны и детям.

- Финансирование полностью окупает ваши постановки?

Одна наша постановка в среднем обходится в 200 тысяч долларов. Такие деньги Москва, конечно, не дает. Но мы сдаем какие-то площади в аренду, играем какие-то дополнительные спектакли, делаем специальные проекты, словом, зарабатываем, как можем. Хотя мы, конечно, не коммерческое предприятие и не хотим им быть. Оперный спектакль – громоздкий жанр: это и хор, и оркестр, и солисты, и партитуры, и оркестровые партии, и декорации, и многое другое. Поддержка опере обязательно нужна. В России много театров, и я даже не представляю себе, как они выживают. Знаю, что очень трудно, так же, как музеи, библиотеки. Проблемы тяжелейшие, и я не знаю, как их решать: я не менеджер, а дирижер. Конечно, я считаю, что люди должны получать достойную плату за свой труд. Как-то я приехал в Красноярск дирижировать местным оркестром на концерте к юбилею Виктора Астафьева. На репетиции накинута на оркестрантов, а они мне говорят: «Извините, мы с января зарплату не получали». Дело было в конце апреля. О каком искусстве тут можно говорить? Я бы хотел, чтобы Дума или кто там принимает законы, принимали законы жестокие, но честные. Сказали бы: «На культуру денег нет. Мы можем финансировать несколько коллективов. Остальные пусть выживают как могут». Я много работал в провинции и видел, как там живут. Наверное, не нужно выпускать столько артистов, не нужно обучать столько музыкантов. Мне самому часто хочется просто бросить все. Но я не могу предать связанных со мною людей. Пока смогу более или менее достойно выполнять свою миссию, буду продолжать. А если не смогу, то просто уйду. Есть много молодых дирижеров, просто мы их пока не знаем. Они будут работать не хуже меня.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Вопрос замечательный, но каверзный. Для меня вообще непонятно, что такое элита в нашей стране. Народность более понятна: я русский человек и живу среди русского народа. А элита... Современная так называемая элита просто рядится в костюм элиты.

- И все-таки: можно ли говорить о существовании высокого, элитарного искусства, которое, может быть, недоступно всем и каждому?

Я считаю, что любое искусство открыто человеку, способному воспринимать. Я же не делаю одни спектакли для элиты, а другие для народа. Я вообще делаю спектакли для себя. Я такой же, как мои зрители, только кое-что почитал, успел пообщаться с замечательными людьми. Я ставлю оперу для нормальных слушателей. Мне неважно, кто они: инженеры или сантехники. Если у них есть сердце, этого достаточно. Сейчас все в театре хотят чем-то удивить. Удивить можно одним – искренностью. Пастернак сказал: «Талант – единственная новость, которая всегда нова». И любой нормальный человек это чувствует. Многие пожилые люди, в том числе моя мама, которые не заканчивали консерваторий, – для меня самые элитные слушатели. Поэтому подразделять культуру на элитную и народную я бы не стал. Задача культуры – воспитывать чувства, доводить человека до такого состояния, чтобы он мог воспринимать прекрасное, мыслить, жить ассоциациями. Почему сейчас не надо много декораций на сцене? Мы рассчитываем на то, что современный человек более образован, что он может домыслить по-своему то, что видит. Мне кажется, что искусство направлено на каждого человека. Но не на толпу, не на массу. Это уже к искусству не имеет отношения.

- Но массовое искусство занимает такое большое место, что просто оттесняет серьезное...

Об этом писал Айтматов в своей замечательной книге: разными путями можно превратить людей в манкуртов, в стадо баранов. Можно устроить тоталитарное государство, а можно накормить попсой. Такой крен существует и на телевидении, и на радио. Единственный противовес на телевидении составляет канал «Культура», где хоть что-то существенное можно увидеть и услышать. К сожалению, у нас в фаворе только два города – Москва и Петербург, а провинция выброшена за борт. Но она и есть Россия. Я вот сейчас поеду в Кострому. Там такие целомудренные люди, там еще сохраняется народная культура. Для этих людей особенно хочется работать.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Когда я мальчиком попал в хоровое училище, то понял, что музыка – это моя религия. Но «служить» – это очень громко сказано. Это просто моя работа. В конце концов, я даже деньги за нее получаю. По крайней мере, я стараюсь работать честно. У меня хорошая команда в театре. Мои сотрудники меня понимают, даже если я подчас срываюсь на репетициях. Они знают, что я их не предаю. Неважно, с каким оркестром я общаюсь, с великим или со скромным, каков мой оркестр. Но те, кто со мной работают, любят музыку. Они пытаются извлечь все, что можно, из своих нешикарных скрипок и работают честно и достойно.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

На меня это никакого влияния не оказывает, а за всю русскую культуру я не берусь отвечать, я же не министр культуры. Меня этот вопрос вообще не волнует. Какая может быть в русской деревне глобализация? Вот поеду в Кострому и посмотрю, что там за глобализация происходит.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства, и как это сказывается на русской культуре?

Я одно знаю: церковь должна быть отделена от государства. Не указами, не приказами, а по сути. Ныне власть церковная слишком много общается с нашей светской властью. По-моему, не надо им награждать орденами друг друга. Это к Богу не имеет отношения. Церковь должна думать о душе человека, а не участвовать в «тусовках». Я сам пожертвовал премию «Триумф» на восстановление храма Христа Спасителя. Это долг, который надо было отдать. Я не могу понять, как могли большевики взорвать такую красоту. Они могли закрыть храм, чтобы не было служб. Но такое варварство... Мы все говорим, что надо покаяться, но никто в нашей стране не кается. Уничтожили страну, и никто не покаялся, никому стыдно не стало. Я считаю, что восстановление храма – одно из покаяний, но не нужно на этом зарабатывать.

- Как вы относитесь к новому церковному искусству, которое появилось в последние годы?

Я отношусь к нему с подозрением. Не может быть такого: был членом партии и вдруг резко поверил в Бога, раньше Его клял, а сегодня жизнь за Него готов отдать. Я таким людям не верю. Подозреваю, что религиозное искусство стало хо-

довым товаром и появились дельцы. Думаю, что эта пена исчезнет. Мне дороги те реставраторы, которые в лесу, в тайге, в глуши восстанавливают церкви. Виктор Астафьев построил в родной деревне храм на свои средства. Это мне дорого. Были бы такими все наши священники! Я многим из них просто не доверяю, хотя и не хочу никого обидеть. Что касается меня, то хоть я и крещеный человек, но не могу считать себя верующим по-настоящему. Как сказал Розанов, «можно не верить в религию, но можно верить в силу молитв». В силу молитв я, может быть, и верю.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

В культуре точки нет. Точка есть в конце спектакля: последний акт, последний аккорд. В жизни разве может быть точка? Скорее многоточие. Поэтому культура, как кардиограмма, может идти ровно, а может идти на спад. Но процесс не может завершиться. Дай Бог, чтобы наша культура не погрузилась ниже ватерлинии.

- И все-таки, какие тенденции в современной культуре вы улавливаете?

У меня предчувствия на этот счет не очень хорошие. Искусство серьезное будет у нас лежать в архивах, консервироваться в кассетах, в книгах. Ведь что сейчас происходит с искусством? По-настоящему им занимаются немногие. Зачастую профессионально сделанные вещи к искусству не имеют отношения: они сделаны для рынка, на продажу. Все пущено на поток, какая-то скорость дикая: нужно успеть урвать свой кусок. А как сказано у нашего великого поэта, «прекрасное не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво». Моцарт, я убежден, не сочинял музыку. И Пушкин не сочинял стихи. Они записывали то, что слышали сверху. Это у нас сейчас сочиняют. Искусство становится видом спорта. Можно купить хороших солистов, хороший оркестр, который с листа читает гениально. Но это не искусство, а просто озвучивание нот, пусть красивое и профессиональное. А искусство – это познание того, что заложено в данном произведении. Почему я не могу дирижировать в крупных оперных театрах мира? Сердце не выдерживает. Ты работаешь как на конвейере. Нужно продирижировать так, будто стоишь за пультом в последний раз: ведь каждый раз приходят новые слушатели, и я не могу им на уши спагетти вешать. Такая спешка мне не по нутру. Я люблю работать в своем театре, где мне некуда бежать, где я свободный человек, свободный от импресарио, от денег. Где я могу подумать, исправить, переделать...

- Почему искусство так быстро поглощается коммерцией?

Ускорение жизни. Поток информации несет много интересного для человека. Но все охватить невозможно. В результате это идет в ущерб большому искусству.